

В.В. (подпись) Мех
1935 г.
№ 11/1458

К О Н Ч Я. 130

МОСКВА, Алексею Максимовичу
ГОРЬКОМУ.

Алексей Максимович,

После партии и ее руководителей, после моих трех сыновей, нет на свете человека, мнением которого я так бы дорожил, как Вашим. К тяжести переживаемого мне было бы бесконечно горько добавить и мысль, что Вы имеете право усумниться в правдивости и искренности моего поведения с Вами, в правдивости того, что говорил я Вам при наших встречах. Только что кончился суд. Он вынес мне мягкий приговор. Он поверил искренности того отвращения, которое вызвала во мне картина нашей "деятельности" за 10 лет, того морального ужаса, который охватил меня перед "итогами" этой деятельности. Полное политическое банкротство, абсолютная безидейность, моральное и психологическое разложение, — не "отработанный пар революции", как говорили некоторые, а отбросы исторического процесса, отбросы революции — вот что предстало предо мной, когда на скамью подсудимых собрали "ядро" бывшей оппозиции через 10 лет после начала ее деятельности.

Но если он только это! Ведь на этом фундаменте стояла урна с прахом КИРОВА! Два дня я корчился от внутренней боли и когда заговорил, то только для того, чтобы дать выход своему отвращению и омерзению, чтобы хоть в последний час предостеречь тех, кого еще можно предостеречь, от этого пути.

Давно уже я чувствовал, что зашел в болото. Но я хотел выползти из него в одиночку, на свой собственный соптык, просто отвернувшись от тех, кого сам привел в эту трясиину и кто там оставался. Забыл, или не додумал, или не хотел додумать, что я обязан прежде всего затоптать, вырвать корни тех ядовитых семян, которые сам сеял. Тут-то и нагнала меня логика наших суровых времен, схватила за шиворот: на, смотри, любуйся на плоды своего посева. Ты хотел уползти, спрятаться и почти спрятался в Пушкина да в Данте, а твои ученички в

это время выслеживают КИРОВА. Вот тут-то я прозрел и благословил людей, которые не просто послали меня отсиживаться в каких-нибудь тихих местах, а посадили на скамью подсудимых, на всенародный суд. Речи моей на суде следует верить до конца, до последнего слова. Я говорил для того, чтобы освободиться от политической фальши, в которой жил 10 лет, и от смертельной тошноты, которая овладела мной, когда я посмотрел на их итоги.

Но, хочу я Вам сказать, Алексей Максимович, — с Вами я не фальшивил. Мы не говорили с Вами о политике, а когда я говорил Вам о возродившемся во мне чувстве любви и уважения к СТАЛИНУ, о моей готовности искренно работать с ним, о том, что во мне перегорело всякое чувство обиды и раздражения, — я говорил правду, говорил то, что действительно родилось во мне в последние годы — после долгой борьбы — и говорил без всяких целей и расчетов, потому что так сложилась моя история за эти годы, что больше этого сказать мне было некому, потому что я Вас сердечно любил.

Простите. Вам, б.м., все это неинтересно. Но, рассчитываясь с прошлым, сказав на суде о всей неправде моей политической жизни за последние годы, я не хотел бы, чтобы у Вас осталось впечатление, что и на мое отношение к Вам в какой бы то ни было степени распространялась эта неправда, эта фальшь, что я привносил в эти отношения и в наши разговоры какие-либо посторонние цели и расчеты. Будьте же уверены, что ничего, кроме искренней любви и правды у меня тут не было.

Хочу сказать Вам еще одно, совсем из другой области.

Когда я читал, слышал и от Вас о перековке людей чекистами, я воспринимал это абстрактно и уж, конечно, никогда не думал, что мне придется проверять эти рассказы на себе. Пришлось. Месяц в самых тяжелых душевных условиях прожил я с ними и только с ними — и скажу: все похвалы им малы и недостаточны. Прекрасно подобраны,

прекрасно работают, изумительно сочетают строгое выполнение долга с вниманием к человеку. И это до самого низу. А какая молодежь! Ясные глаза, внутренняя и внешняя подобранность, крепкая вера в свое дело. С громадной радостью смотрел я на них. Эти не ошибутся и сделают дело хорошо и крепко!

Еще раз - простите. Позвольте крепко позжать Вам руку, почтительно поклониться Надежде Алексеевне и передать привет - если он для них приемлем - Алексею Дмитриевичу и Петру Петровичу.

Л. КАМЕНЕВ.

Р.С. Если могу я Вас попросить о чем либо, то вот просьба. Не откажите, при случае, в моральной поддержке Татьяне Ивановне. Она хороший и мужественный человек. Она горячо Вас любит. Ей будет тяжело. При нужде поддержите ее духовно, подкрепите ее бодрость.

Л.К.

Верно: *Железняк*